

С.Ю. НЕЧАЕВ

РУССКАЯ НИЦЦА

Сергей Нечаев
Русская Ницца

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2022

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)

Нечаев С. Ю.

Русская Ницца / С. Ю. Нечаев — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ",
2022

ISBN 978-5-6048209-4-0

Существует мнение, что первые русские появились на Лазурном Берегу Франции «чуть раньше французов, но несколько позже римлян». Именно русские сделали ничем тогда не примечательную Ниццу «столицей» Французской Ривьеры, знаменитой на весь мир. Моде на все русское на Лазурном Берегу мы обязаны вдовствующей императрице Александре Федоровне, купившей здесь однажды поместье за нитку жемчуга. Русский дух до сих пор витает на знаменитой вилле «Казбек», на бульваре Александра III, в православной церкви с двуглавыми орлами, куда по-прежнему спешат потомки эмигрантов, никогда не видевшие Россию, но говорящие на правильном русском языке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(44)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-6048209-4-0

© Нечаев С. Ю., 2022

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2022

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Нечаев

Русская Ницца

© Нечаев С.Ю., 2022

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2023

Эмиграция – страшная вещь.

А.И. Герцен

*О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...*

Ф.И. Тютчев

Предисловие

Отношения между русскими и французами издавна были тесными и непростыми. Миграция шла в обоих направлениях, причем началась она в XI веке, когда во Францию навсегда уехала Анна Ярославна, дочь киевского князя Ярослава Мудрого, ставшая там женой короля Генриха I и матерью короля Филиппа I.

Хорошо известен и сподвижник Петра I Франц Яковлевич Лефорт (François Le Fort), в свое время вынужденный покинуть Францию из-за участия в дуэли. А ведь были еще граф Эммануил Францевич де Сен-При (Guillaume-Emmanuel Guignard, vicomte de Saint-Priest), знаменитый генерал-эмигрант, состоявший в 1812 году начальником Главного штаба 2-й Западной армии; граф Александр Федорович Ланжерон (Alexandre-Louis Andrault, comte de Langéron), генерал от инфантерии российской армии, перешедший на нашу службу в 1790 году; Арман-Эмманюэль дю Плесси, герцог де Ришелье (Armand-Emmanuel du Plessis de Richelieu), внучатый прапраправнук знаменитого кардинала де Ришелье, эмигрировавший в Россию после Великой французской революции и ставший градоначальником Одессы (знаменитым Дюком), а потом генерал-губернатором Новороссийского края, и многие-многие другие.

Исторически так сложилось, что в конце XVIII – начале XIX века в России жило и работало множество французов. Особенно их число здесь увеличилось после Великой французской революции. Связано это с тем, что после 1789 года «азиатская» Россия самым парадоксальным образом оказалась чуть ли не единственной страной, сохранившей идеалы и ценности старого режима. В этот исторический момент, при Екатерине II, а в еще большей степени при Павле I, Россия превратилась в центр европейских контрреволюционных сил.

Помимо бежавших от революционного террора дворян в России оказалось и немало всевозможных художников, музыкантов, поваров, гувернеров... Осела в России и часть французов из числа военнопленных солдат и офицеров Великой армии Наполеона. Кого тут только не было. Кто не помнит знаменитое Пушкинское: «Приехал и мосье Трике, остряк, недавно из Тамбова, в очках и в рыжем парике»?

Заметное движение в обратном направлении началось где-то в середине XIX века.

Русскую эмиграцию во Францию можно разделить на пять основных этапов:

Первый этап – дореволюционный. Сюда входят все виды эмиграции из царской России во Францию: экономическая, политическая, учебная, артистическая. По данным официальной статистики, в 1851 году во Франции проживало 9,3 тысячи русских. В 1866 году эта цифра возросла до 12,2 тысячи, а в 1901 году – до 16,1 тысячи человек. В начале века русскоязычное население во Франции не было сплочено в общину, и ничто не связывало эмигрантов первой волны с теми, кто приехал в более поздние периоды.

Второй этап открылся российскими революциями начиная с 1905 года и завершился Второй мировой войной. Огромная волна эмиграции на втором этапе привела к тому, что численность русских за рубежом достигла 2,5 миллиона человек. По другим данным, Россию покинуло около 2 миллионов человек. При этом в качестве объединяющей страны русская эмиграция избрала именно Францию, а Париж – своей столицей. Связано это с тем, что между Россией и Францией на протяжении многих лет имели место устойчивые контакты, взаимно влиявшие на формирование двух культур. К тому же Франция была единственной страной, признавшей правительство генерала Врангеля. Все изменилось в 1925 году, после признания Францией Советской России, когда все русские, проживавшие во Франции, были лишены советского гражданства, и это окончательно закрыло им путь обратно. По официальным данным, если в 1906 году во Франции проживало 15,6 тысячи русских, то в 1926 году их уже стало 67,2 тысячи, а в 1931 году – 71,9 тысячи человек. Число получивших французское гражданство русских возросло за 1926–1931 годы с 5,8 тысячи до 11 тысяч человек.

Третий этап начался после Второй мировой войны и был связан с невозвращением на родину бывших военнопленных и перемещенных лиц. Считается, что после окончания войны и немецкой оккупации Франции здесь осталось около 100 тысяч бывших советских граждан. В беспорядке и суматохе послевоенного времени многие из них потом переселились в США, но более 60 тысяч все же остались во Франции. По официальным данным, в 1946 году во Франции жило 50,9 тысячи русских и еще 16 тысяч имели французское гражданство. К 1962 году число проживающих во Франции русских уменьшилось до 26,2 тысячи человек, зато число «натурализованных» возросло до 26,6 тысячи человек.

Четвертый этап, уже не столь массовый, – исход из России инакомыслящих (1970–1991). В этот период попасть во Францию можно было и путем брака с французом, хотя тогда это были единичные случаи. К 1982 году число постоянно проживающих во Франции русских уменьшилось до 7,5 тысячи человек, а число «натурализованных» – до 19,7 тысячи человек.

Пятый этап связан с русскоязычными гражданами, уехавшими из стран бывшего СССР в постсоветский период. В это время начала процветать экономическая эмиграция: многие надеялись найти во Франции хорошую работу. Одновременно с этим начало ужесточаться французское иммиграционное право, и получение разрешения на работу стало нелегким делом. Пятый этап был отмечен и волной прибытия во Францию так называемых «новых русских», то есть деловых людей, сумевших заработать «быстрые» деньги. Именно они составили большинство из тех, кто купил себе шикарные виллы на Лазурном Берегу и прекрасные квартиры в самых дорогих кварталах Парижа.

Во Франции наряду с Парижем крупным центром сосредоточения эмигрантов из России стал юг Франции, в частности Лазурный Берег¹, включая города Ницца, Антиб, Ментона и Канны. Так, например, уже в зимний период 1881–1882 годов в Ницце постоянно проживало более двух с половиной тысяч россиян. В 1911 году в Ницце было открыто русское консульство, а в 1913 году русская колония здесь насчитывала около 3300 человек.

О том, что произошло далее, специалист по православию во Франции Софи Олливе пишет:

«После Первой мировой войны и русской революции началась великая русская эмиграция, состоявшая в основном из аристократов, интеллектуалов и военных. Большинство из них надеялось вернуться однажды в свою страну и хотело сохранить свой язык. Их творческое, интеллектуальное, философское и духовное влияние было весьма значительным. Они все были открыты по отношению к французской действительности, и многие из них женились на француженках».

В настоящее время только в Ницце ежегодно бывает от восьмидесяти до ста тысяч русских, но это в основном туристы, не имеющие к эмиграции никакого отношения. По данным Государственного института демографических исследований (INED), во Франции сейчас постоянно живет около пяти тысяч русских, но эта цифра не включает в себя тех, кто натурализовался и имеет французский паспорт.

---

¹ Лазурный Берег (или Французская Ривьера) – так называется полоса побережья Франции на Средиземном море от границы с Италией на востоке до залива Фрежюс на западе.

Часть первая

Золотой век аристократического туризма

Глава первая

Русские зимы в Ницце

В первой половине XIX века Ривьеру (тогда она еще не была французской) лишь изредка посещали приезжие из России. В частности, зимой 1843–1844 годов в Ницце был замечен Н.В. Гоголь. Этот, по определению В.В. Набокова, «самый причудливый человек во всей России» приехал сюда в ноябре месяце из Дюссельдорфа и вплоть до 19 марта жил у Виельгорских², работая над вторым томом «Мертвых душ».

Надо сказать, что первый том его поэмы «Похождения Чичикова, или Мертвые души» вышел в свет в 1842 году. Трехлетие, последовавшее после этого, стало для писателя периодом напряженной и очень непростой работы над продолжением. Но написание второго тома шло вяло и с большими остановками. Переезд в Ниццу несколько оживил работу, однако Н.В. Гоголю все равно приходилось буквально заставлять себя писать, преодолевая душевную усталость и творческие сомнения.

С семьей Виельгорских Н.В. Гоголь познакомился в Петербурге. Это была аристократическая семья, приближенная ко двору. Мать, Луиза Карловна, даже слыла подругой императрицы. Люди образованные и добрые, они сердечно приняли Н.В. Гоголя, по достоинству оценив талант этого своеобразного молодого человека.

Особенно подружился Николай Васильевич с младшей дочерью Виельгорских Анной Михайловной, прозванной в семье Нозинькой. Нозинька делилась с писателем своими проблемами, сомнениями, надеждами, просила его советов во всех трудных или важных обстоятельствах. Случилось так, что Н.В. Гоголь был в Риме в апреле-мае 1839 года, когда там, на вилле княгини Зинаиды Волконской, жил или, вернее, умирал от чахотки молодой Иосиф Виельгорский. Н.В. Гоголь был последним, кто видел его живым, он проводил ночи у постели умирающего юноши, и он же выехал навстречу его матери, Луизе Карловне, и первым сообщил ей горестную весть. Это несчастье еще более сблизило Николая Васильевича с семейством Виельгорских.

Биограф Гоголя В.И. Шенрок высказывает предположение, что писатель делал предложение Анне Виельгорской. Возможно, он и в самом деле был влюблен в Нозиньку, но в ответ на свое предложение получил отказ. При всем своем либерализме и простоте обращения Виельгорские все же вряд ли могли согласиться на брак дочери с каким-то «худородным» малоросом. Ко всему прочему такое родство могло не понравиться и императрице.

Бывала в Ницце и близкая знакомая Гоголя А.О. Смирнова. В свое время она была одной из первых придворных красавиц. Александра Осиповна была хорошей знакомой В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и А.С. Пушкина. Однако потом А.О. Смирновой пришлось покинуть двор и Петербург, и связано это было с тем, что ее муж Николай Михайлович Смирнов дослужился до больших чинов и был назначен калужским губернатором.

Был ли Н.В. Гоголь влюблен в Александру Осиповну? Многие в этом не сомневались, в частности С.Т. Аксаков, который писал:

---

² Виельгорские жили в Ницце на вилле «Паради» (Paradis), стоявшей в обширном парке, раскинувшемся между нынешними улицами Паради, Массена и пляс де Массена.

«Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько равнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны».

Если и так, мудреного ничего нет – Александра Осиповна и в сорокалетнем возрасте, который считался в те времена чуть ли ни старушечьим, была неотразима. Однако с Н.В. Гоголем все было совсем по-другому. Если и была любовь, то совершенно иного рода – чисто духовная.

* * *

Итак, переезд в Ниццу несколько оживил работу Н.В. Гоголя над вторым томом «Мертвых душ».

2 декабря 1843 года он писал из Ниццы своему другу поэту В.А. Жуковскому:

«В Ниццу я приехал благополучно, даже более чем благополучно, ибо случившиеся на дороге задержки и кое-какие неприятности были необходимы душе моей... Ницца – рай; солнце, как масло, ложится на всем; мотыльки, мухи в огромном количестве, и воздух летний. Спокойствие совершенное. Жизнь дешевле, чем где-либо. Смирнова здесь. Соллогубы тоже здесь. Графиня Виельгорская тоже здесь, с сыном и меньшей дочерью... Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание «Мертвых душ».

21 декабря 1843 года он писал другому своему другу – поэту Н.М. Языкову:

«Погода прекрасная, то есть всегдашнее солнце, но не работает так, как бы я хотел. Живу я в виду небольшого хвостика моря, на которое, впрочем, хожу глядеть вблизи. Здесь нашел несколько знакомых, семейство Виельгорских, Соллогуба, который, кажется, охотник больше ездить по вечеринкам, чем писать... Хочу насильно заставить себя что-нибудь сделать и потому веду жизнь уединенную и преданную размышлениям... Если ты при деньгах, то ссуди меня тремя тысячами на полгода или даже двумя, когда неостанет».

Живя в Ницце у Виельгорских, Н.В. Гоголь делал записи в особую тетрадь. С этими записями он никого не знакомил. Исключение составила лишь А.О. Смирнова, также оказавшаяся в ту пору в Ницце.

Позже она вспоминала:

«Гоголь был очень нервен и боялся грозы. Раз как-то в Ницце, кажется, он читал мне отрывки из второй и третьей части «Мертвых душ», а это было нелегко упросить его сделать... Я вся обратилась в слух. Дело шло об Улиньке, бывшей уже замужем за Тентетниковым. Удивительно было описано их счастье, взаимное отношение и воздействие одного на другого... Тогда был жаркий день, становилось душно. Гоголь делался беспокоен и вдруг захлопнул тетрадь. Почти одновременно с этим послышался первый удар грома, и разразилась страшная гроза. Нельзя себе представить, что стало с Гоголем: он трясся всем телом и весь потупился. После грозы он боялся идти один домой. Виельгорский взял его под руку и отвел. Когда после я приставала к нему, чтобы он вновь прочел и дочитал начатое, он отговаривался и

замечал: «Сам Бог не хотел, чтобы я читал, что еще не окончено и не получило внутреннего моего одобрения».

Наступил 1844 год. Н.В. Гоголь «засел в Ницце», как он писал друзьям. Он скрывался там от дурной погоды, от неотступных дождей, преследовавших его по всей Европе. Он жил на берегу моря, в тихом предместье, и погода стояла превосходная. В воздухе не было ни малейшего ветерка. С утра до вечера в ярко-синем небе сверкало солнце. Стараясь вести «жизнь уединенную и преданную размышлениям», Николай Васильевич специально избегал частых встреч с русскими знакомыми – с семействами Мещерских и Соллогубов³, которые также жили в Ницце. Однако, несмотря на все старания, подкрепленные чудесной погодой и задумчивым уединением, дело не слишком продвигалось вперед. Н.В. Гоголю не писалось; что-то неясное, неуловимое наводило на него тоску и томление, мешало «как следует работать».

15 февраля 1844 года он писал Н.М. Языкову:

«Жуковский отныне переселяется во Франкфурт, куда я еду тоже. В Ницце не пожилось мне так, как предполагал. Но спасибо и за то; все пошло в пользу, и даже то, что казалось мне вовсе бесполезно».

19 марта 1844 года Н.В. Гоголь выехал из Ниццы и направился через Страсбург в Дармштадт.

26 марта 1844 года, уже из Страсбурга, он написал Л.К. Виельгорской:

«Пароход, на который сел я, чтоб пуститься по Рейну, хлопнулся об арку моста, изломал колесо и заставил меня еще на день остаться в Страсбурге. Вопросивши себя внутренне, зачем это все случилось, на что мне дан этот лишний день и что я должен сделать в оный, я нашел, что должен вам написать маленькое письмо. Письмо это будет состоять из одного напоминания. Вы дали мне слово, то есть не только вы, но и обе дочери ваши, которые так же близки душе моей, как и вы сами, – все вы дали слово быть тверды и веселы духом. Исполнили ли вы это обещание?»

22 января 1845 года он писал из Парижа В.А. Жуковскому:

«В Париже я как-то вновь расклеился... Время идет бестолково и никак не устраивается».

24 февраля 1845 года он жаловался А.О. Смирновой:

«Париж или лучше – воздух Парижа, или лучше – испарения воздуха парижских обитателей, пребывающие здесь на место воздуха... вновь расстроили приобретенное переездом и дорогою, которая одна бывает для меня действительнее всяких пользований. С Виельгорскими я видался мало и на несколько минут... Я провел три недели совершенным монастырем, в редкий день не бывал в церкви».

* * *

Согласно классическому определению, эмигранты (от лат. *emigrans* – «выселяющийся») – это лица, выезжающие на постоянное жительство в другое государство. Поэтому русских людей типа Н.В. Гоголя, Виельгорских или А.О. Смирновой никак нельзя назвать эмигрантами. Ни о каком постоянном месте жительства на Ривьере тогда не было и речи.

---

³ Граф и писатель В.А. Соллогуб был мужем Софии Виельгорской, старшей дочери Виельгорских.

Люди просто выезжали зимой к теплому морю, и поездка в Ниццу для них мало отличалась от поездки в Крым или на Кавказ.

К середине 50-х годов XIX века в Ницце проживали 104 семьи иностранцев, из которых русских было всего 30 семей, англичан – 29, французов – 24 (Ницца тогда еще не была французской территорией) и прочих национальностей – 21.

Как видим, русских было много лишь относительно других иностранцев. Но, что характерно, уже в то время журнал *L'Indépendant Belge* полуплутиливо-полусерьезно писал:

«Англичане подхватывают грипп в Ницце. Они утверждают, что это русские принесли туда не только свою природную суету и суматоху, но и свой климат».

Что тут скажешь... Англичане – весьма специфические граждане с болезненным цветом лица, и молчание – это типично английский способ беседовать. Русские по своей природе совершенно не такие. Они более активные, более компанейские, более шумные. Они – душа нараспашку. Тишина в русском общении – это не согласие, а, скорее, разногласие. Она просто невыносима.

Конечно, бывавшие тогда в Ницце наши соотечественники мало походили на пресловутых «новых русских» 90-х годов прошлого века и относились лишь к наиболее образованным и обеспеченным слоям населения. Однако и они проводили время весьма специфически.

В качестве примера можно привести рассказ жившей в Ницце русской художницы Марии Башкирцевой. Правда, он относится к более позднему периоду (к маю 1876 года), однако описываемое весьма характерно. Мария Башкирцева пишет:

«Сегодня вечером я даю праздник, каких уж много лет не видела rue de France. Вы, может быть, знаете, что в Ницце существует обычай встречать май, то есть вешать венок и фонарь и плясать под ними в хороводе. С тех пор как Ницца принадлежит Франции, обычай этот постепенно исчезает; во всем городе едва можно увидеть каких-нибудь три-четыре фонаря... Я велю приготовить заранее и повесить посреди улицы громадную махину из ветвей и цветов, украшенную венецианскими фонариками. У стены нашего сада Трифону (слуга дедушки) было поручено устроить фейерверк и освещать сцену время от времени бенгальскими огнями. Трифон не чувствует под собой ног от радости. Все это великолепие сопровождается музыкой арфы, флейты и скрипки и поливается вином в изобилии... Мы отправляемся на террасу соседей – я, Ольга, Мари и Дина, потом становимся посреди улицы, созываем танцующих и с успехом стараемся возбудить оживление. Я пела и кружилась с остальными к удовольствию добродушных горожан Ниццы, особенно людей нашего квартала, которые все знают меня и называют mademoiselle Marie. Не будучи в состоянии делать что-нибудь, я стараюсь быть популярной, и это льстит маме. Она не смотрит ни на какие издержки. Особенно понравилось всем, что я пела и сказала несколько слов на их наречии... Я смотрела на пляску и слушала крики, совершенно замечтавшись, как это часто бывает со мной. Когда же фейерверк закончился великолепным «солнцем», мы вернулись домой под ропот удовлетворения».

Фейерверк, бенгальские огни, музыка, песни, «вино в изобилии»... Никто «не смотрит ни на какие издержки»... Что же, чопорным англичанам было от чего приходить в отчаяние. Русских было мало, но с их присутствием уже приходилось считаться.

Коренным образом все изменилось после 1856 года.

Глава вторая

Приезд в Ниццу вдовствующей императрицы Александры Федоровны

Настоящая русская колония возникла на Ривьере во второй половине XIX века, причем именно русские сделали ничем не приметную тогда Ниццу знаменитой на весь мир.

Началось все с того, что с 1856 года в Ницце стала подолгу гостить вдовствующая императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Фридерика Шарлотта Вильгельмина, известная также как Шарлотта Прусская). Эта дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, родившаяся в Потсдаме в 1798 году, 13 июля 1817 года вышла замуж за Великого князя Николая Павловича, брата российского императора Александра I. После восшествия супруга на престол в 1825 году она стала российской императрицей, а после кончины Николая I – через тридцать лет – начала носить титул вдовствующей императрицы.

Привлеченная мягким целебным климатом Ривьеры, эта пятидесятивосьмилетняя женщина начала подолгу жить в Ницце. Более того, в расположенной неподалеку бухте Вильфранш ей была приобретена земля (около сорока гектаров) и построен комплекс зданий для членов императорской фамилии.

Надо признать, что место для отдыха и лечения слабых легких Александры Федоровны выбрала, мягко говоря, неожиданное. Ривьера, включая Вильфранш и Ниццу, входила тогда в состав Сардинского королевства, а меньше чем за год до того войска сардинского короля Виктора Эммануила II совместно с войсками англо-франко-турецкой коалиции нанесли России тяжелейшее поражение в Крымской войне.

Только оборона Севастополя от войск альянса стоила России сотни тысяч жизней и почти миллиарда рублей. Армия, в течение многих десятилетий не знавшая по-настоящему серьезных и судьбоносных поражений, была деморализована, двор паниковал. Супруг Александры Федоровны император Николай I, загнавший, по его собственному выражению, страну в «крымский капкан», так и не смог подписать унижительный мир, по которому Россия лишалась Черноморского флота и протектората над балканскими народами. Он скончался в 1855 году. Официально было объявлено, что причиной смерти стала «скоротечная эмфизема легких на фоне нервной лихорадки», однако осмелевшие русские либералы тут же принялись утверждать, что император «умер от стыда».

После этого престол перешел к Александру II, старшему сыну Николая I. Он-то и подписал в 1856 году Парижский мирный договор, согласно которому, кстати сказать, России запрещалось иметь военный флот в Черном море.

От русского двора ждали реванша, однако новый глава Министерства иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков успокаивал западных послов:

«Все считают, что русские сейчас очень сердиты. Это неверно. Мы не сердимся – мы стараемся сосредоточиться».

После таких заявлений в Европе стали еще больше бояться возможных русских интриг и политических диверсий.

И вот в это самое время, в сентябре 1856 года, то есть спустя всего полгода после окончания Крымской войны, в Вильфранше бросил якорь русский фрегат, на борту которого находилась вдовствующая императрица Александра Федоровна, мать нового российского монарха Александра II. Официальное объяснение столь неожиданного визита, вызвавшего пересуды в европейских столицах, было таким: императрица решила найти заграничный зимний курорт

для своего любимого внука, наследника престола Великого князя Николая Александровича, который должен был войти (но так и не вошел) в русскую историю под именем Николай II.

* * *

В ту пору в королевских домах Европы действительно было модным иметь «свой» курорт. И царевич действительно очень нуждался в лечении.

Николай Александрович, старший сын императора Александра II, родился в сентябре 1843 года. Судьба этого молодого человека, которому было уготовлено столь блистательное будущее, сложилась трагически. Как и подобает наследнику престола, он стал атаманом всех казачьих войск и генерал-майором свиты Его Императорского Величества. В начале 1860-х годов он в сопровождении своего воспитателя графа С.Г. Строганова совершил ряд ознакомительных поездок по стране. Но тяжелая болезнь очень мешала ему, и в 1864 году его было решено окончательно оставить жить за границей. В сентябре он был помолвлен с принцессой Дагмар, дочерью Христиана IX, короля Датского.

Европейские светила определили у Николая Александровича туберкулез позвоночника. Лишь один медик обнаружил нарыв в позвоночной мышце, однако ему не поверили и упорно продолжали начатое лечение. В результате прописанные холодные ванны привели лишь к ухудшению. Царевич держался безукоризненно, и мало кто догадывался о его муках.

Считается, что понятия «любовь» и «династический брак» – вещи несовместные. Однако в данном случае имело место счастливое исключение из этого жесткого правила – русский наследник престола и датская принцесса полюбили друг друга. Вместе они любили кататься верхом, но однажды случилась беда – царевич упал с лошади и еще сильнее повредил позвоночник.

Принцесса Дагмар последовала за ним в Ниццу, но болезнь ее жениха стала стремительно прогрессировать. Вскоре нарыв лопнул, и гной разлился по всему телу, дойдя до головы.

Перед смертью царевич взял слово у брата Александра, что тот не оставит его любимую Дагмар.

Николай Александрович умер на вилле «Бермон» (Bermond) в Ницце в апреле 1865 года, сделав брата Александра наследником престола.

Вот что пишет об этом в своей книге «Прогулки по Французской Ривьере» Б.М. Носик:

«В апреле 1865 года умер старший сын императора Александра II, Великий князь-наследник Николай Александрович. Умер 21 года от роду в окружении семьи – безутешной матери-императрицы Марии Александровны⁴, отца, братьев, невесты...

К этому времени императрица Мария Александровна уже бывала в Ницце, приезжала сюда лечиться. Осенью 1864 года был в Ницце и государь-император, принимал здесь же, на нынешней авеню Царевича, в нынешней клинике, а тогдашней вилле «Пейон»⁵, французского императора Наполеона III».

---

⁴ Мария Александровна – дочь Великого герцога Людвига II Гессенского; супруга российского императора Александра II и мать императора Александра III (урожденная принцесса Максимилиана Вильгельмина Мария Гессенская).

⁵ Ныне здесь находится клиника Бельведер, адрес которой – 28, boulevard Tzarewitch. Парк этой виллы в свое время простирался на 15 гектаров.

* * *

Отпевание царевича Николая Александровича имело место в церкви Николая Чудотворца, первом русском православном храме Ниццы. Бедную Дагмар, обезумевшую от горя, с трудом смогли увести оттуда.

Инициатива создания этой церкви принадлежала неугомонной Александре Федоровне. Именно благодаря ее усилиям и настойчивости удалось преодолеть сопротивление католических властей, отнюдь не горевших желанием увидеть на своей земле церковь православной конфессии.

Строительство этой церкви началось в 1858 году, и уже через год состоялось ее освящение.

Французский исследователь Н. Росс пишет об этой церкви:

«Императрица, находившаяся в Ницце с осени 1856 года, жила на большой вилле, терраса которой выходила на Promenades des Anglûs. Именно на этой террасе была оборудована православная часовня, освященная 10 декабря 1856 года, еще до начала строительства русской церкви на улице Лоншан, участок под которую был получен лишь в 1857 году».

Далее Н. Росс уточняет:

«В 1858 году священник русской церкви крестил 23 ребенка и предал земле также 23 православных верующих. В ней было 10 бракосочетаний. Самым многолюдным, конечно же, стало бракосочетание князя Николая Алексеевича Орлова, сына князя Алексея Орлова. Этот блестящий генерал, ему был 31 год, женился на княгине Екатерине Трубецкой, которой было всего 18 лет»⁶.

Церковь эта, расположенная на улице Лоншан, действует и поныне, и верующие, входя в нее, могут любоваться замечательными иконами, написанными профессором Санкт-Петербургской академии художеств М.И. Васильевым, а также удивительным иконостасом из резного дуба, пожертвованным лично императрицей Александрой Федоровной. Кстати сказать, и в наши дни в этой церкви в день смерти Николая Александровича проводится поминальная служба.

На месте смерти царевича Николая Александровича его отцом была выстроена памятная часовня, долгое время бывшая местом паломничества для всех россиян, прибывавших в Ниццу.

После отпевания тело царевича на фрегате «Александр Невский» было доставлено в Петербург, и в июле 1865 года наследник престола был похоронен в Петропавловском соборе, традиционной усыпальнице русских царей.

По мере роста русской колонии в районе Ниццы маленькая церковь на улице Лоншан перестала вмещать во время богослужений всех прихожан, и в связи с этим было высказано пожелание построить в городе новый, более просторный и вместительный храм. Императрица Мария Федоровна⁷ не забыла свою первую любовь и оказала этому проекту полную поддержку,

---

⁶ На самом деле Екатерина Николаевна Трубецкая была не княгиней, а графиней. Она умерла в 1875 году в Сент-Морице. Ее муж Н.А. Орлов в 1854 году получил девять тяжелых ран и лишился глаза при осаде Силистрии. После этого он провел около полутора лет в Италии, а потом был назначен посланником при бельгийском дворе. Расстроенное здоровье заставило князя перебраться в Фонтенбл, где он и скончался 17 марта 1885 года. Их дети, Алексей и Владимир, оба генералы, также умерли в эмиграции во Франции (первый – в 1916 году, второй – в 1927 году).

⁷ Мария Федоровна – принцесса Дагмар, дочь Христиана IX, короля Датского; невеста царевича Николая Александровича; супруга его брата, императора Александра III; мать императора Николая II.

став попечительницей специально созданного «Строительного комитета нового русского православного храма в Ницце». Благодаря ее усилиям в 1903 году началось строительство нового храма.

Храм строился на земле, являвшейся частной собственностью семьи Романовых (в парке разрушенной виллы «Бермон», где умер царевич, недалеко от возведенной в его память часовни). После многочисленных остановок в строительстве, связанных с недостатком финансовых средств, в декабре 1912 года произошло его торжественное освящение. После этого Николай II великодушно подарил эту землю Русской церкви.

У входа в храм установили мраморную доску с надписями на русском и французском языках:

*«Сей соборный храм сооружен Монаршим попечением и щедротами
Государя Императора Николая II и Его Августейшей матери Вдовствующей
Императрицы Марии Федоровны. Освящен 4(17) декабря 1912 года».*

Храм, по праву считающийся самым красивым и ценным русским православным храмом за пределами России и первым из зарубежных русских церквей получивший почетное наименование Свято-Николаевского собора (в ту пору это было необыкновенное явление для русской церкви за границей, и подобной чести не удостоилась даже церковь на улице Дарю в Париже), был построен архитектором М.Т. Преображенским по образцу московских пятиглавых церквей. Для его строительства использовались лучшие европейские материалы: облицовочный кирпич был изготовлен в Германии, черепица для куполов и майолика – в Италии, резьба по мрамору была выполнена итальянскими мастерами. Купол колокольни и все шесть крестов, венчающих главы, покрыли сусальным золотом. Внешние декоративные элементы (арочные проемы, ниши для окон, наличники дверей, балкончики на колокольне и т. д.) выполнены из резного белого мрамора и являются уникальной по своему совершенству работой.

Внешне собор очень напоминает собор Василия Блаженного в Москве, лишь маковки его куполов расписаны не так ярко, как московские, и выдержаны в серо-зеленой гамме. Он находится на авеню Николая II, выходящей на бульвар Царевича. В крипте собора расположен Музей русской колонии в Ницце.

Главной частью внутреннего убранства собора является иконостас, созданный в Москве в знаменитых мастерских братьев Хлебниковых по образцу старинных храмов Москвы и Ярославля. Иконы писаны в духе школы иконописца XVII века Симона Ушакова.

Кстати сказать, именно здесь находится удивительная икона Николая Чудотворца, бывшая личная икона царевича Николая Александровича. Икона эта была при смертном одре царевича, а после кончины последнего она долгое время провисела над входными дверями памятной часовни, возведенной на месте царской виллы «Бермон». Под влиянием южного солнца, дождя и ветра образ этот абсолютно почернел, и Святой лик превратился в темное неразличимое пятно. В дальнейшем икону перенесли в новый собор и поместили на внутренней стороне иконостаса. И вот в мае 1935 года церковный сторож вдруг заметил, что образ начал светлеть. Просветление увеличивалось с каждым днем, и из-под слоя затвердевших капель лака появилось необыкновенное по красоте изображение Святителя Николая, а по сторонам – Спасителя и Божией Матери. Вскоре можно было свободно прочесть текст раскрытого Евангелия в руках Спасителя и надпись над иконой. Свершилось чудо, и научных объяснений тому нет...

* * *

С. Олливе пишет:

«Всего в период с 1859 по 1912 год на юге Франции было создано четыре культовых места для православных верующих: это церковь Николая Чудотворца в Ницце, открытая в 1859 году, Архангело-Михайловская церковь, открытая в 1894 году в Каннах, церковь Иконы Божией Матери, открытая в том же году в Ментоне, а также Свято-Николаевский собор в Ницце, открытый в 1912 году».

В Ментоне, где когда-то была весьма многочисленная русская колония, небольшая и скромная церковь Иконы Божией Матери всех скорбящих на самом деле была возведена в 1892 году по проекту датского архитектора Георга Терслинга, с 1887 года жившего в этом городе и умершего в нем же в 1920 году. Церковь эта была построена по инициативе Великой княжны Анастасии Михайловны, внучки императора Николая I, на деньги русских меценатов. Она находится на улице Морийо. В ее украшениях сохранены все традиционные черты древних русских церквей, а иконы были перенесены сюда из часовни местного русского кладбища, возведенной в 1886 году по инициативе российского вице-консула Николая Юрасова. Кладбище это, на могилах которого значатся фамилии представителей знаменитых родов Трубецких, Волконских и Урусовых, находится на территории старинного средневекового замка на самой высокой точке города, откуда видно все побережье и даже территорию соседней Италии.

В том же 1892 году, кстати сказать, в Ментоне было завершено и строительство русского дома-санатория, который потом стал пристанищем для многих больных туберкулезом русских офицеров, участвовавших в Русско-японской войне. Потом этот Русский дом переехал в более просторное здание и получил статус военного госпиталя. На его открытии присутствовали Великая княжна Анастасия Михайловна и российский консул в Ницце Сергей Анатольевич Каншин. После Первой мировой войны здание госпиталя приютило эмигрантов и дом престарелых.

Сегодня от него осталось лишь имя – Русский дом, данное одной из улиц Ментоны.

История появления Архангело-Михайловской церкви в Каннах такова. В 1886 году одна из постоянных жительниц города, жена местного землевладельца Александра Феодоровна Трипе (урожденная Скрипицына), устроила при своей вилле «Александра» небольшую церковь, куда время от времени для совершения служб приезжал русский священник из Ниццы. Более регулярно здесь начали совершаться службы с 1889 года, после приезда в Канны Великой княжны Анастасии Михайловны. Госпожа Трипе-Скрипицына любезно предложила русской колонии свою церковь, но ее небольшое здание оказалось не в состоянии вмещать всех желающих помолиться.

Нужда в более обширном православном храме с каждым годом становилась все очевиднее. Ввиду этого духовник Великой княжны Анастасии Михайловны протоиерей Григорий Остроумов в 1893 году обратился к проживавшему уже несколько сезонов в Каннах Великому князю Михаилу Михайловичу с просьбой о содействии в строительстве здесь нового, более обширного храма. Великий князь очень сочувственно отнесся к идее протоиерея Остроумова и с присущей ему энергией занялся осуществлением этого благого начинания. Немедленно под его личным председательством был составлен строительный комитет (в него вошли князь С.М. Голицын, князь Ю.Д. Урусов и др.), некоторые члены которого кроме уже данных ими пожертвований на построение храма обязались вносить в течение десяти лет каждый ежегодно по 250 франков в обеспечение содержания храма; а госпожа Трипе-Скрипицына предложила в дар под церковь участок земли в 1750 квадратных метров, расположенный в одном из лучших кварталов города.

В 1894 году с благословения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия протоиереем Остроумовым был начат сбор денежных пожертвований на построение церкви. Сбор этот увенчался успехом совершенно неожиданным: через два месяца строительный коми-

тет уже располагал суммой в 60 тысяч франков. В результате 23 апреля 1894 года была совершена закладка храма.

Строил храм французский архитектор Луи Нуво под непосредственным и постоянным наблюдением протоиерея Остроумова. Дело шло так успешно, что к середине ноября того же 1894 года храм вместимостью 400 человек был построен, а 22 ноября было совершено его торжественное освящение. Городской муниципалитет, в полном составе присутствовавший при освящении, в память этого торжественного события постановил переименовать бульвар, на котором был построен русский храм, из Нотр-Дам-дэ-Пэн (Notre-Dame des Pins) в бульвар Александра III.

Члены императорской семьи и многие состоятельные лица, подолгу проживавшие в Каннах, подарили храму хоругви, церковную утварь, напрестольный крест, драгоценное Евангелие, множество икон и мраморный иконостас. Два года спустя Иван Елагин построил на свои средства колокольню и дал семь колоколов для нее.

Под храмом помещается довольно обширный склеп, где находятся гробницы целого ряда известных людей: протоиерея Григория Остроумова⁸, так много потрудившегося на его создании, князя П.А. Ольденбургского (он умер в 1924 году), Великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и т. д.

Интересно отметить, что в 2007 году русский художник Иван Славинский, проживший более десяти лет на Западе и вернувшийся в Россию, получил благословение настоятеля русской православной и зарубежной церкви на роспись Архангело-Михайловского храма в Каннах, который на сегодняшний день нуждается в капитальном ремонте и восстановлении.

* * *

Но вернемся к вдовствующей императрице Александре Федоровне. Напрасно западные дипломаты пытались найти тайную подоплеку в ее визите в Ниццу. И действительно, намеки на то, что Александр II отправил свою больную мать вести переговоры с враждебно настроенным сардинским королем, могут вызывать лишь недоумение.

С другой стороны, трудно было поверить и в то, что Александра Федоровна, считавшая сардинцев косвенными виновниками смерти своего мужа, рассчитывала встретить на Ривьере теплый прием и приятную компанию. Тем более что эти места всегда считались здравницей для британской аристократии, к которой у русского двора после окончания Крымской войны также имелись немалые счета.

И все-таки не только о здоровье внука и своем собственном пеклась Александра Федоровна, затеявая «десант» в район Ниццы. Для российской короны она присматривала здесь не просто заграничный зимний курорт.

Вдовствующая императрица и почти четыреста человек ее свиты прибыли в Ниццу осенью 1856 года, то есть незадолго до начала зимнего сезона, и арендовали практически все наемное жилье в городе.

Организация поездки была поручена Жозефине (или Юзе) Кобервейн. Эта женщина была внебрачной дочерью Николая I от фрейлины шведского короля Густава IV Анны Марии Шарлотты де Рутенскельд. Она родилась в городе Белая Церковь в 1825 году, а на Лазурный Берег ее увез придворный художник сардинского двора Жозеф Фрисеро, за которого она вышла замуж в 1849 году. Этот самый Жозеф Фрисеро ныне похоронен на русском кладбище

---

⁸ Остроумов Григорий (1856–1947) приехал в Канны в 1889 году с Великой княжной Анастасией Михайловной. В 1895 году он стал настоятелем православной церкви в Каннах. В 1936 году он был пострижен в монашество и возведен в сан епископа Каннского, а в 1938 году ему было присвоено звание епархиального епископа южных приходов Франции с титулом Каннского и Марсельского. Позже он стал архиепископом Каннским и Марсельским. Скончался 7 июля 1947 года.

в Ницце. Принцесса Юзя также умерла в Ницце, будучи послушницей местного католического монастыря. Произошло это 23 февраля 1893 года. Их бывшую виллу потом купили Апраксины, но графиня умерла молодой, и ее муж – Антон Степанович Апраксин – в память о ней передал дом приюту для слепоглухонемых девушек. В приюте до сих пор висит у входа портрет юной красавицы Апраксиной, а в день ее рождения на ее могилу кладут цветы.

В 1856 году Юзе Кобервейн было тридцать. Молодая женщина взялась за дело крайне активно. Она предлагала хозяевам вилл в Ницце суммы, в несколько раз превышающие обычную плату англичан. «Старающиеся сосредоточиться» русские готовы были платить любые деньги, чтобы хотя бы в этом взять верх над победителями в Крымской войне. В результате зимой 1856–1857 годов в Ницце смогли отдохнуть только те британцы, которые имели там собственную недвижимость. Да и они остались очень недовольны. Их чинным прогулкам по Английской набережной страшно мешало развернувшееся строительство русского прогулочного бульвара и православной церкви на улице Лоншан, на которое перешли работники, возводившие до того английские виллы. Наконец, британцев крайне обеспокоило прибытие на Ривьеру – также «для лечения легких» – командующего русским флотом Великого князя Константина Николаевича, брата русского императора, Великого князя Михаила Николаевича и других венценосных особ.

Очень скоро Ницца стала своеобразным западноевропейским «филиалом» царского двора. Многочисленные родственники Романовых, породнившихся со всеми европейскими монархами, могли приезжать сюда из любой столицы, встречаться без протокольных церемоний. Такую же возможность получила и императорская семья.

* * *

Вскоре русские купили у вольного города Вильфранша, находящегося в пяти километрах от Ниццы, участок пляжа для строительства военно-морской базы. Вольным или свободным этот город назывался потому, что основавший его в XIV веке граф Прованский установил здесь беспощинную торговлю. Окруженный с двух сторон горой Мон-Борон и мысом Кап-Ферра, Вильфранш представлял собой один из самых красивых и удобных рейдов мира, и вплоть до XVIII века он был основным портом Сардинского королевства. Впрочем, после появления порта в Ницце Вильфранш утратил свое особое значение и превратился в обыкновенный рыболовецкий порт.

Надо сказать, что впервые русские корабли появились на рейде Вильфранша в 1770 году. Это была эскадра Алексея Григорьевича Орлова, бывшего солдата лейб-гвардии Преображенского полка, содействовавшего восшествию на престол императрицы Екатерины II и за это произведенного в графы и генералы. В 1769 году он получил командование эскадрой русского флота и вскоре за победу над турками в Чесменском бою получил право присоединить к фамилии титул Чесменского, став Орловым-Чесменским.

С тех пор русские моряки облюбовали Вильфранш, и вот в 1856 году появление здесь 360 военных моряков с парового корвета «Олаф», посланного для охраны членов императорской фамилии, окончательно распугало живших здесь британских курортников, привыкших к тихому и размеренному отдыху. А вскоре здесь была построена русская военно-морская база (рейд Вильфранша был отдан внаем российскому императорскому флоту и оставался базой его снабжения почти до Первой мировой войны).

Вот что пишет об этом Б.М. Носик:

«Надо сказать, что уже и в ноябре 1856 года, по горячему следу, для нужд императрицы прибыл в Вильфранш из прохладных вод Балтики паровой корвет «Олаф» с экипажем в 360 душ, и работа нашлась всем 360. 16

ноября корвет доставил в Вильфранш из не слишком далекой Генуи невестку императрицы, Великую герцогиню Елену Павловну, а 12 января из той же Генуи – сына императрицы (и, стало быть, брата императора Александра II), Великого князя Михаила Николаевича. 26 февраля привез корвет дочку вдовствующей императрицы, Великую герцогиню Ольгу Николаевну... и, наконец, 1 марта – самого командующего русским флотом, Великого князя Константина Николаевича... В пору своего пребывания в Ницце императрица не раз ходила по тогдашней вполне сельской дороге в Вильфранш, к своим кораблям. Дорога эта была тут же названа бульваром Императрицы, и при открытии бульвара императрица сама перерезала ленточку».

В 1857 году русские построили в Вильфранше⁹ каменный дебаркадер и больницу для моряков, а в апреле 1901 года здесь на борту нашего крейсера принимали французского президента Эмиля Лубэ.

---

⁹ Правительство Франции, в состав которой вошла Ницца, признало русско-сардинские соглашения по Вильфраншу, и русская база здесь продолжила существовать. Позднее ее здания с согласия российской стороны перешли в ведение зоологической станции.

Глава третья

Русское нашествие на Ривьеру

Итак, началом «русского нашествия» в Ниццу стал 1856 год, когда сюда впервые приехала вдова императора Николая I Александра Федоровна и другие члены императорской семьи. За ними потянулась и прочая российская знать, и очень быстро жалкий приморский городок с сорока тысячами жителей превратился в настоящий «зимний салон» чуть ли не всей Европы. Кстати сказать, вдовствующей императрице, с приезда которой пошла мода на Ниццу, не так давно поставили в Вильфранше памятник, а заодно на берегу бухты были установлены три бюста – братьям Алексею и Федору Орловым, а также адмиралу Ф.Ф. Ушакову.

Н. Росс пишет:

«Среди причин, толкавших русских на приезд во Францию, очень часто фигурировало здоровье... Климат Ниццы считался благотворным для больных туберкулезом».

Русские селились в Ницце и становились частью ее истории – от отставного полковника Александра Раевского до проводившей все время в игорных домах «сумасшедшей княгини» Марии Голицыной.

Теперь Ницца и ее окрестности стали переполнены русскими, которые не только скупили все продававшиеся на тот момент виллы, но и занимали целые этажи в самых шикарных отелях.

В путеводителях конца прошлого века отмечалось: «На Лазурном Берегу много русских владений». Отели Ниццы, рекламируя себя, объявляли: «У нас останавливается русская аристократия»; количество останавливавшихся у них всевозможных князей и графов стало своеобразным знаком качества. Русская речь, зазвучавшая в Ницце, сделала ее похожей на какую-нибудь Ялту.

Теодора Фоллен де Банвилль в своих «Письмах к другу», изданных в 1861 году, пишет:

«В отсутствие англичан, которые в этом году бойкотировали Ниццу, русские офицеры выглядят настоящими львами стиля. У них на балу самая увешанная крестами униформа, они бросают самые красивые букеты мадемуазель Виржинии Боккабадати в Театр-Руаяль и мадемуазель Мари Добрен в Театр-Франсэ. Их золотые эполеты так сверкают, что кажется, будто они освещают сцену, рядом с которой они собираются каждый вечер».

А вот еще одно из ее наблюдений:

«Мне тысячи раз говорили, что русские говорят на лучшем в мире французском языке; к этому можно добавить, что все они говорят так, словно играют в пьесах Альфреда де Мюссе».

* * *

Одним из самых известных русских дворян из тех, что жили и умерли в то время в Ницце, был Александр Николаевич Раевский.

Человек это был достаточно специфический и противоречивый. Он родился в ноябре 1795 года в Новогеоргиевской крепости на Северном Кавказе. Его отцом был герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский, а мать – внучка М.В. Ломоносова Софья Алексеевна Константинова.

Окончив в марте 1810 года Московский университетский пансион, он начал службу подпрапорщиком в Симбирском гренадерском полку. Потом с марта 1811 года по май 1817 года он служил в 5-м егерском полку. В неполные семнадцать лет ему довелось быть участником Отечественной войны 1812 года. За Бородинское сражение он был награжден орденом Святого Владимира, за сражение под Красным – золотой шпагой, за сражение при Фер-Шампенуазе – орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами. В апреле 1813 года он стал адъютантом графа М.С. Воронцова с производством в штабс-капитаны. Через год ему было присвоено звание капитана.

В мае 1817 года А.Н. Раевскому было присвоено звание полковника с переводом в Рязский пехотный полк. В 1819 году он был прикомандирован к Кавказскому отдельному корпусу и, находясь при генерале А.П. Ермолове, участвовал в карательных экспедициях против горцев.

6 января 1825 года А.Н. Раевский был арестован в городе Белая Церковь по подозрению в принадлежности к тайным обществам. Его доставили в Петербург на главную гауптвахту, однако уже через десять дней поступило высочайшее повеление освободить полковника с оправдательным аттестатом.

На допросе у царя по поводу его причастности к событиям 14 декабря 1825 года он произнес:

– Государь! Честь выше присяги!

Заметим, что А.Н. Раевский дружил со многими декабристами. При этом его сестра Екатерина была замужем за декабристом М.Ф. Орловым, а Мария – за декабристом С.Г. Волконским. Кроме того, его дядей по отцу был декабрист В.Л. Давыдов.

В 1826–1827 годах А.Н. Раевский служил в Новороссийске в качестве чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе графе М.С. Воронцове.

По свидетельству известного мемуариста Ф.Ф. Вигеля, граф Воронцов взял А.Н. Раевского «к себе по особым поручениям и доставил ему средство с большим содержанием, без всякого дела, три года приятным образом прожить во Франции». Там А.Н. Раевский остановился в городе Мобеже. По словам Ф.Ф. Вигеля, «в Мобеже он либеральничал, как и все другие, не более, не менее», а после Мобежа, «чтобы сохранить ему независимость, выпросили ему бессрочный отпуск».

В октябре 1827 года А.Н. Раевский вышел в отставку, а потом за неодобрительные отзывы о правительстве его выслали в Полтаву с запретом выезда из губернии, после чего он лишь с особого разрешения смог приехать к умирающему отцу. По слухам, сделано это было за слишком откровенную связь полковника с женой графа М.С. Воронцова.

Ф.Ф. Вигель пишет в своих «Записках»:

«Я не буду входить в тайну связей его с Е.К. Воронцовой, но... могу поручиться, что он действовал более на ее ум, чем на сердце и на чувства... Как легкомысленная женщина, Е.К. Воронцова долго не подозревала, что в глазах света фамильярное ее обхождение... с человеком ей почти чуждым его же стараниями перетолковывается в худую сторону. Когда же ей открылась истина, она ужаснулась, возненавидела своего мнимого искусителя и первая потребовала от мужа, чтобы ему отказано было от дому».

Лишь через несколько лет А.Н. Раевскому разрешили переехать в Москву. Там он в ноябре 1834 года женился на Екатерине Петровне Киндяковой, дочери генерал-майора П.В. Киндякова. Овдовев через пять лет, он отдался воспитанию единственной дочери Александры.

А.Н. Раевский отличался острым саркастическим умом и был близок с А.С. Пушкиным. Считается, что именно он послужил для поэта одним из прототипов для его Евгения Онегина.

А.С. Пушкин познакомился с А.Н. Раевским в начале южной ссылки, то есть в 1820 году, но их более тесное общение относится уже к 1823–1824 годам. «Не верил он любви, свободе, на жизнь насмешливо глядел», – писал о полковнике поэт.

Об отношениях этих двух людей Ф.Ф. Вигель пишет:

«Известность Пушкина во всей России, хвалы, которые гремели ему во всех журналах, превосходство ума, которое внутренне Раевский должен был признавать в нем над собою, все это тревожило, мучило его. Он стихов его никогда не читал, не упоминал ему даже об них: поэзия была ему дело вовсе чуждое, равномерно и нежные чувства, в которых видел он одно смешное сумасбродство. Однако же он умел восплаять их в других; и вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкрадись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его».

А вот мнение по этому поводу Б.М. Носика:

«Александр Раевский был «злым гением» Пушкина, его «учителем нравственности» (скорей, пожалуй, безнравственности), соперником в любви. Они оба притянули на место в сердце графини Е.К. Воронцовой (похоже, обоим отвечавшей взаимностью), рука которой была отдана новороссийскому генерал-губернатору и наместнику Бессарабской области графу М.С. Воронцову... По некоторым сведениям, А. Раевский был повинен в обострении отношений Пушкина с Воронцовым».

«Совратитель Раевский» пережил А.С. Пушкина на тридцать лет. Он умер в Ницце 23 октября 1868 года, чуть-чуть не дожив до семидесяти трех лет. Его похоронили на местном православном кладбище Кокад¹⁰.

* * *

Безусловно, русское открытие Ривьеры, больше напоминавшее оккупацию, происходило не так просто, как это выглядит внешне. В то время глава Министерства иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков и вся отечественная дипломатия работали над проблемой раскола антироссийского альянса Австрии, Англии, Франции, Турции и Сардинии, укрепившегося после подписания Парижского мирного договора 1856 года, завершившего Крымскую войну.

«Слабыми звеньями» в этом договоре являлись территориальные претензии Франции к Сардинскому королевству, а также претензии короля Виктора Эммануила II на лидирующую роль в объединении Италии, чему активно противодействовала Австрия. В результате в ходе тайных переговоров с Парижем была разработана многоступенчатая сделка, в соответствии с которой Наполеон III пообещал поддерживать Сардинию в ее борьбе с австрийцами, а взамен получил часть территорий на Средиземноморском побережье, потерянных Францией после разгрома его деда Наполеона Бонапарта в 1814–1815 годах.

Чтобы эта интрига сработала, необходимо было заинтересовать в ней князя Монако Карла III Гонория из рода Гримальди – тогдашнего правителя Ривьеры. Из-за его натянутых отношений с Виктором Эммануилом II Лазурный Берег лишь формально считался частью Сардинского королевства.

---

¹⁰ Русское кладбище Кокад (Caucade) – частное кладбище. Оно является собственностью Культурной ассоциации русского православия Ниццы (L'Association Culturelle Orthodoxe Russe de Nice), которая обеспечивает управление и уход за кладбищем.

Конечно же, Карл III Гонорий мечтал о полной автономии, но его бюджет представлял собой весьма плачевное зрелище. Фактически единственным источником его доходов, причем довольно скудных, были английские туристы, отдыхавшие на Ривьере. Однако они были настолько осмотрительны в тратах, что в 1855 году князь едва не обанкротился: в казне не нашлось пятисот франков, необходимых для содержания под стражей арестованного в Ментоне преступника.

Чтобы ситуация стала более понятной, сделаем небольшой экскурс в историю. Представители рода Гримальди в ранние времена жили в Генуе. Правителями Монако они стали только в XV веке, а до этого были консулами Генуэзской республики, адмиралами и посланниками дождей. Лишь в 1419 году Гримальди окончательно захватили контроль над городом. Княжеский титул был ими принят еще позже – в 1659 году. Во времена Французской революции Гримальди были низложены, и город был захвачен французскими войсками. Только после Парижского мира 1815 года власть Гримальди в Ривьере была восстановлена.

Таким образом, приезд русских помог роду Гримальди и старейшинам основных городов Ривьеры поправить свои финансовые дела. А в 1860 году в Ницце, Ментоне и ряде других городов прошли референдумы, на которых жители единогласно высказались за переход в состав Французской империи, что должно было обеспечить еще больший приток щедрых туристов.

Так Ривьера стала Французской Ривьерой. Кстати сказать, именно эта территория сейчас именуется Лазурным Берегом (это часть побережья от Княжества Монако до города Сан-Рафаэль, и его протяженность составляет около 75 километров).

Карл III Гонорий не стал противиться тому, что его владения сократились до границ нынешнего Княжества Монако. Зато благодаря этому у него «вдруг» появилось триста тысяч франков на возведение казино (идея быстро и много заработать на игре в рулетку пришла в голову князю во время поездки по курортам Германии, где игорный бизнес тогда процветал).

Анонимного инвестора, которому до наших дней принадлежит весь игорный и гостиничный бизнес Монако, нашла мать Карла III, вдовствующая княгиня Каролина.

Она очень близко сошлась с Александрой Федоровной, с которой имела немало общего, так что не исключено, что этот капитал поступил в Монако через некие секретные финансовые каналы российского Министерства иностранных дел.

* * *

К сожалению, опыта в организации игорного бизнеса в Монако ни у кого не было. Денег в дело вложили немало, а вот с получением прибыли возникли проблемы: людей, согласных ехать через горы в какую-то приморскую «деревню», чтобы просаживать там свои состояния, оказалось немного.

Тогда был приглашен настоящий профессионал – Франсуа Блан, уже занимавшийся игорным бизнесом в Гомбурге, курортном местечке возле Висбадена. Дела у него шли настолько блестяще, что его прозвали «волшебником из Гомбурга». Блан приехал, все осмотрел и решил не связываться. И вот тогда-то свое решающее слово сказала его супруга.

Мария Шарлотта Блан (урожденная Хенсель) родилась в Германии в Фридрихсдорфе в семье простого сапожника и в молодые годы работала прачкой в Латинском квартале. С Франсуа Бланом ей удалось вырваться из среды пролетариев (муж начал карьеру с должности крупье), и Мария Шарлотта желала взять реванш за погубленную у корыта молодость. Князь Монако устроил в ее честь прием, на котором поцеловал ей, бывшей прачке, руку! Считается, что именно этот поцелуй решил все, и Мария Шарлотта нашла доводы, которые заставили ее мужа подписать контракт.

Согласно этому контракту, подписанному 31 марта 1860 года, Франсуа Блан выкупил концессию на игорный бизнес во владениях Гримальди на пятьдесят лет, и это было оценено почти в два миллиона франков.

Начал Франсуа Блан с того, что проложил через Альпы железную дорогу, а на побережье выстроил пристань, сделав княжество легкодоступным для туристов. На месте нескольких унылых селений было построено Монте-Карло – «город мечта» с шикарными отелями, виллами, ресторанами, театрами, парками и цветниками. Для этого были приглашены лучшие архитекторы Европы, в том числе Шарль Гарнье (автор парижской «Гранд-опера»).

Шикарная ловушка для богачей была подготовлена, а тут еще Франсуа Блану просто везло: в 1871 году, вступив на престол объединенной Германии, император Вильгельм I из рода Гогенцоллернов повсеместно запретил игорные дома. Теперь Монте-Карло получило европейскую монополию на игру, так как оставшиеся кое-где вне Германии игорные дома не могли конкурировать с монакским «Казино».

На Бланов и Гримальди обрушился «золотой ливень». Теперь Франсуа Блана звали «волшебником из Монте-Карло», от желающих играть не было отбоя, а выиграть у казино было невозможно (ежегодно здесь совершалось 250–300 самоубийств, причем иные сводили счеты с жизнью прямо в зале, возле рулетки, и такой исход стал именоваться «профессиональным заболеванием проигравшихся»).

К концу жизни князь Карл III Гонорий получал от содержателей «Казино» уже четыре миллиона франков в год.

27 июля 1877 года Франсуа Блан скоропостижно скончался от болезни легких, оставив Марии Шарлотте около восьмидесяти миллионов франков и процветающее дело, которое та взяла в свои руки.

Встав «у руля», Мария Шарлотта захотела получить титул княгини, но с бывшей прачкой не захотели связываться. И тогда она взяла реванш, выдав своих дочерей за самых настоящих аристократов и став тещей принца Ролана-Наполеона Бонапарта (внука Люсьена Бонапарта, брата Наполеона I) и князя Радзивилла.

* * *

Игорный комплекс в Монте-Карло строился во многом в расчете на русское присутствие на теперь уже Французской Ривьере, и эти ожидания целиком и полностью оправдались. Русские аристократы и морские офицеры охотно обживали Лазурный Берег, где в отличие от чопорного Петербурга расточительность и некоторая распушенность не только не осуждались, но даже одобрялись.

Да что там «некоторая распушенность». В историю под именем «сумасшедшей княгини» вошла Мария Голицына (между прочим, внучка великого полководца А.В. Суворова), в честь которой, кстати, была поднята первая в истории туфля с шампанским. В 1874 году она за несколько часов выиграла, а потом проиграла в Монте-Карло более миллиона франков. Именно с тех пор «русское безумие» (la folie russe) стало неким устоявшимся стандартом поведения русских на европейских курортах, подразумевающим неумеренные траты, шумные кутежи и нелепые, часто опасные для себя и окружающих выходки.

Очень интересный случай, связанный с игрой русских в Монте-Карло, рассказывает Н.В. Тимофеев-Ресовский – русский ученый, с 1925 по 1946 год работавший в Германии (его биография положена в основу известного романа Даниила Гранина «Зубр»):

«Был еще один адмирал у меня – предок по материнской линии. Это был мой внучатый дядя – брат моего деда, дядя моей матери – Всеволожский... В конце XIX века он уже был полный адмирал, и вот

тут с ним такой курьез произошел. Со своей эскадрой он проделывал учебное плавание по Средиземному морю. Он был уже старый человек. И приехали они в Тулон, французскую военную гавань. И из Тулона его умолили съездить в Монте-Карло – играть. Он взял с собой несколько золотых франков – поехал посмотреть, что такое Монте-Карло. Поставил золотой на какой-то номер и получил в 32-кратном размере обратно. Так и пошло, пошло и пошло. А банк срывался, вот я не помню точно, не то, когда 3 миллиона, не то, когда 5 миллионов франков в тогдашнем... Банк проигрывал – считалось банк сорванный. На этот вечер игра прекращалась до следующего дня. Значит, таким образом, этот мой внучатый дяденька сорвал банк в Монте-Карло и, к страшному удивлению, миллионером вернулся к себе на эскадру. Сразу написал своему брату, моему деду Всеволожскому, в Калужскую губернию, что едет и просит где-нибудь поблизости от себя подыскать хорошее небольшое имение и чтобы вокруг дома и сад был, и парк был бы старинный большой, и речка с мельницей, и прудами... И вскоре, через пару дней, поехал со своей эскадрой дальше. Останавливались в портах на Средиземном море, французских, потом итальянских, потом австро-венгерских (теперь югославских), потом греческих, наконец, Константинополь, и самое замечательное, что из Константинополя он своему брату, моему деду, послал письмо-телеграмму: «Пришли 100 рублей на обратную дорогу». Умудрился все эти миллионы оставить в Средиземном море. Оказывается, заходя со своей эскадрой в порт, он на три дня рестораны открывал для местного населения: «Жри, за мое здоровье, и пей». Так как этих портов на Средиземном море до черта, несмотря на дешевые цены того времени, он эти 3 или там 5 миллионов умудрился спустить. Не сам, сам он был непьющий старик; пил хорошие вина; не пьяница и вообще не кутежник, ничего такого, а вот, значит, спустил таким образом. Приезжая мальчишкой с родителями, я еще застал времена, когда в итальянских кварталах помнили «конто русс», который открывал на три дня ресторан. Я-то уже его знал более чем восьмидесятилетним стариком. Старик был замечательный. Причем он решил, что, когда он состарится, а состарится в 85 лет, он застрелится. Так сказать, жить глубоким старцем не стоит. Он договорился с каким-то старым военно-морским лекарем, что он выдаст ему после самоубийства удостоверение, что это было не самоубийство, а острое умопомешательство старого адмирала. Для того чтобы похоронили по-православному, как следует, нормально, с церковными молебнами, церковными обрядами (самоубийц ведь не полагалось нормально хоронить).

Так вот, он в 1906 году через несколько недель после того как отпраздновал 85-летие, застрелился и был торжественно похоронен по церковному обряду – чин чином».

В казино Монте-Карло и на площади перед ним разыгрывалось немало скандалов и трагедий. Здесь, например, влюбилась в русского капитана Вадима Маслова Маргарета Зелле, дочь шляпника из нидерландской провинции Фрисланд, более известная как Мата Хари. Ему был двадцать один год. Он был красивым и сильным. Он изменил ее жизнь, предложив ей выйти за него замуж. Но через несколько дней после их встречи он был тяжело ранен и ослеп на левый глаз. Для выздоровления его направили в клинику в Виттель у подножия Вогезских гор. Считается, что именно это толкнуло Мату Хари, которой необходимы были деньги, на связи с офицерами различных армий, после чего она окончательно увязла в шпионских аферах.

А еще некий морской офицер, проиграв здесь корабельную казну, привел свой корабль прямо к берегу, нацелил на казино стволы всех корабельных орудий и пообещал разнести все в пух и прах, если ему не вернут деньги. Для него это был вопрос жизни или смерти, и, перед тем как пустить себе пулю в лоб, он решил сделать последнюю попытку. Управляющему казино ничего не оставалось, как «войти в положение». Говорят, это был единственный в истории Монте-Карло случай, когда казино возвратило проигранную посетителем сумму. А еще говорят, что этот офицер был русским...

Вообще русские очень ценили Монте-Карло, и сюда устремлялись все: А.П. Чехов, князь А.И. Сумбатов, более известный как театральный актер и драматург Южин, А.И. Куприн, Г.В. Адамович... Кто только не проигрывался здесь в пух и прах! Это был не просто шик, но целое мировоззрение. Тот же А.П. Чехов писал:

«Это милое Монте-Карло похоже на хорошенький вертеп».

А еще, накануне премьеры «Трех сестер», он полушутливо-полусерьез угрожал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.